

Дороти Херст

Дороти Херст

ВОЛКИ

ЗАКОН ВОЛКОВ • ТАЙНЫ ВОЛКОВ • ДУХ ВОЛКОВ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
Х39

Серия «Закон волков»

Dorothy Hearst
PROMISE OF THE WOLVES
SECRETS OF THE WOLVES
SPIRIT OF THE WOLVES

Перевод с английского

Компьютерный дизайн Э. Кунтыш

Печатается с разрешения издательства Simon & Schuster, Inc.
и литературного агентства Andrew Nurnberg.

Херст, Дороти.

Х39 Волки : Закон волков ; Тайны волков ; Дух волков : [сборник : перевод с английского] / Дороти Херст. — Москва : Издательство АСТ, 2016. — 720 с. — (Закон волков).

ISBN 978-5-17-096657-8

НИКОГДА не иметь дела с человеком.

НИКОГДА не убивать человека, если он не напал на тебя первым.

НИКОГДА не оставлять в живых детенышей, рожденных от союза волка и его врага — собаки.

Свои законы волки Широкой Долины чтили испокон веков. Но однажды кое-что изменилось... Молодая Каала — дочь изгнанной из стаи волчицы — спасла жизнь девочке Тали. Так зародилась их дружба. И Каала задумала невозможное: примирить людей и волков. Вместе легче выживать и охотиться. Лучше быть товарищами, чем врагами, верно?

Однако не все так считают. Люди боятся волков, а волки не доверяют людям... Поможет ли общая опасность им объединиться?..

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Dorothy Hearst, 2008, 2011, 2012
Школа перевода В. Баканова, 2010

© Перевод. В. Сергеева, 2012

© Перевод. А. Анваер, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2016

ISBN 978-5-17-096657-8

• **ЗАКОН ВОЛКОВ** •

*Посвящается моей семье, друзьям,
а также Хэппи, лучшей собаке
из прежде живших, и Эмми,
лучшей собаке из ныне живущих*

Часть I

СТАЯ

Пролог

40 000 лет назад

И тогда настал холод. Из-за жестокой стужи, как говорят легенды, кролики не вылезали из нор многие месяцы, лоси укрывались в пещерах, у птиц на лету леденели крылья. Воздух переливался кристаллами перед носом волков Широкой Долины, когда те выходили на охоту. Каждый вдох обжигал легкие, от мороза не спасал даже густой подшерсток. Волки сотворены для зимы, но та зима была выше волчьих сил. Солнце, казалось, навечно ушло к дальнему краю земли, а луна, прежде струившая живой свет, смерзлась в темное пятно.

Царь воронов сказал, что зима будет длиться три года и принесет гибель миру. Что она послана в наказание тем, кто не чтит волю Древних. Лидда чувствовала только голод и знала лишь то, что ее стая не способна охотиться.

Лидда бродила вдалеке от семьи, даже не пытаясь по пути вынюхивать мышей и зайцев. Тахиим как вожак уже объявил стае о прекращении охоты: волки слишком ослабли и не в силах добывать даже тех немногих лосей, что еще уцелели в Широкой Долине. Оставалось ждать, когда морозная стужа обратится в стылый холод смерти. Ожидание тяготило Лидду, и она двинулась прочь, подальше от голодного взгляда щенков, чьи тонкие кости выступали сквозь шерсть. Все волки в стае — даже подростки — должны заботиться о детенышах, и если Лидда не в состоянии добыть им пищу, то она недостойна называться волчицей.

Она пробиралась через глубокие снежные завалы; каждая шерстинка на спине казалась тяжким грузом. Над головой кружили несколько воронов — ей бы такие крылья, долететь до равнины, где обычно охотилась стая... Там еще остались лоси, можно напасть на самого сильного и биться до смерти — до собственной смерти, ослабевшая Лидда в этом не сомневалась.

За гребнем заснеженного холма уже виднелась равнина. Лидда, тяжело дыша, легла брюхом на землю, но тут же вскочила; светло-бурая шерсть поднялась дыбом. Запах человека! Скорее

прочь отсюда — волкам нельзя встречаться с людьми, древний запрет неумолим... Опомнившись, Лидда засмеялась над собой. Чего бояться? Она ведь ищет смерти, а человек ей поможет...

Ее ждало разочарование: найденный ею человек — подросток, как сама Лидда, — выглядел не более угрожающе, чем новорожденный лисенок. Тощий и голодный, как все сейчас на равнине, он плакал, привалившись спиной к скале; его смертоносная палка валялась рядом. Страх в человеческих глазах, вскинутых навстречу Лидде, через миг сменился покорностью.

— Ты за мной, волчица? — произнес он. — Тогда не теряй времени. Мне не добыть еды для братьев и сестер: я слишком слаб, чтоб настичь легконогого лося. А возвращаться к голодной семье с пустыми руками — выше моих сил. Возьми мою жизнь...

В глазах юноши Лидда увидела такое же отчаяние, какое испытывала сама. Ему тоже нужно кормить щенков своей стаи... Привлеченная теплом его тела, она незаметно для себя сделала несколько шагов. Юноша отбросил прочь заостренную палку и опустил руки, открывая волчице шею и живот: теперь, вздумай она покончить с ним, лишних хлопот не потребуются. Однако Лидда замерла на месте, впервые разглядывая человека пристально — наперекор быломu запрету.

«Волк, вступивший в общение с человеком, будет изгнан из стаи, — говорил Тахиим волчатам Лиддиного помета, тогда еще совсем щенкам. — Люди — охотники, как и мы, они считают нас добычей. Влечение к ним подобно зову охоты. Держитесь от них подальше — или вы перестанете быть волками».

Теперь, глядя на юношу, Лидда почувствовала, о чем говорил Тахиим: ее тянуло к человеку так, словно он был щенком ее стаи или волком, который станет ей парой. От смятения ее бросило в дрожь, словно пойманного кролика. Разум приказывал уходить прочь; рвущееся из груди сердце влеклось к юноше. Лечь бы рядом с ним, выгнать холод из промерзших костей... Лидда встряхнулась и отступила на шаг, но человеческий взгляд не давал ей уйти. Ледяной порыв ветра толкнул ее в спину, она качнулась вперед. Юноша неуверенно протянул руки.

Лидда шагнула в раскрытые объятия и легла, укрыв собой ноги юноши и положив голову ему на грудь; тепло человеческого тела она ощущала даже сквозь шкуры, которыми люди — почти бесшерстые — пытаются защититься от холода. Юноша, на миг замерший от удивления, обхватил волчицу руками; Лидда не отводила от него глаз.

Так они лежали вместе, пока сердца отбивали тысячу ударов: волчье сердце замедлило бег, приноровляясь к человеческому, человеческое в ответ забилося быстрее. Лидда почувствовала, как прибывают силы; юноша, должно быть, ощутил то же. Разом поднявшись, словно единое существо, они направились к полям охоты.

Человек и волчица перешли на дальний край равнины, где водилась добыча, и не стовариваясь выбрали жертву; лось-самец, обнаруживая свою слабость, нервно задергал головой при их приближении. Стремительная, как солнечный луч, Лидда понеслась за ним, забыв о недавней усталости. Она гнала лося все дальше, запутывая и изматывая, пока окончательным броском не выгнала его на юношу, стоящего наготове. Заостренная палка со свистом рассекла воздух, глубоко вошла в грудь лося — и Лидда, настигнув споткнувшуюся жертву, вонзила зубы в лосиное брюхо.

Она вгрызалась в теплую плоть, голову дурманил запах и вкус добытой наконец еды. Что-то тяжелое ударило ей в бок — толкнул человек, подоспев за своей долей добычи. Зарычав, Лидда вернулась на прежнее место, и вдвоем они припали к туше. Прежде чем насытиться до полной неподвижности, Лидда вспомнила о голодающей стае и принялась отгрызать от туши задний окорок, чтобы отнести его своим. Юноша, орудуя острым камнем, уже отрезал второй окорок и теперь разделявал оставшуюся часть лося. Ухватив пастью тяжелую ношу, Лидда порадовалась, что дом недалеко. Сытость придала ей сил, она двинулась к своей стае.

Полный желудок, вкус свежего, еще теплого мяса во рту — она на время забыла о человеке и обернулась только на границе леса. Юноша, на тощих плечах которого громоздился окорок, тоже остановился, опустив руку с волочащимся по земле лосиным ребром. Второй рукой он помахал Лидде. Она положила добычу на землю и пригнула голову в знак приветствия.

Взрослые волки ее стаи, почуявшие мясо издалека, едва поверили собственным глазам, когда Лидда добралась до заветной поляны и тихо опустила окорок на землю.

Всю стаю таким куском, конечно, не насытить, но все же появление полноценной еды — первой за пол-луны — означало надежду. Как только волки поняли, что мясо — не предсмертное видение, а реальность, они сгрудились вокруг Лидды в радостных приветствиях, на миг забыв об изнуряющей слабости. Лидда, склонив голову, положила мясо перед Тахиимом и отсут-

пила на шаг. Он легко прикоснулся к волчице носом и дал знак стае, что можно приступать к дележу. После, взяв с собой тех из волков, кто еще годился для дальнего бега, Тахиим пустился по Лиддиному следу, чтобы принести остатки туши.

Лидда обернулась к щенкам — те скулили, почуяв запах свежего мяса. Она опустила голову и, когда один из них ткнулся в угол ее рта, отрыгнула часть пищи. Хотя изголодавшееся тело отдавало еду неохотно, радость щенков того стоила. Волчатам из стаи Широкой Долины голод больше не грозил.

Лидда устремила след за Тахиимом и теми, кто отправился за остатками добычи. Она была слишком взбудоражена успешной охотой и слишком счастлива оттого, что добыла пропитание для стаи, первое знакомство с человеком кружило ей голову — и она даже не заметила, что в воздухе стало неуловимо разливаться тонкое веяние тепла, настолько легкого, что его можно было принять за иллюзию.

... Лидда и человеческий юноша лежали у скалы, где впервые встретились; теперь здесь появился клочок теплой земли, с которой сошел талый снег. На протяжении целой луны волки Лиддиной стаи охотились вместе с людьми, и делили с ними добычу, и играли с их детенышами, и пускались с ними в бег на рассвете и в закатных сумерках. Лидда не расставалась со своим человеком: ей чудилось, будто она обрела в нем нечто давно утраченное — былую потерю, о которой даже не подозревала.

Они сидели под скалой; юноша перебирал пальцами густой мех Лидды, свернувшейся у его ног. Их освещало Солнце, Земля приветственно тянулась к ним стеблями травы. Луна ревниво ожидала часа, когда вновь их увидит. А Небо — Небо простиралось вокруг, не отводя от них взгляда.

Потому что Древние были исполнены ожидания и надежды. Они вовсе не желали гибели живых существ.

Глава 1

14 000 лет назад

Легенды гласят, что от смешения крови волков Широкой Долины и волков, живущих за ее пределами, появится волчица, которой судьба вечно стоять на рубеже между двумя мирами. Из-за нее может прийти конец не только стае, но и всему волчьему роду. Именно потому Рууко, представший перед нами в сумраке занимающегося рассвета, пришел убить моего брата, сестер и меня через четыре недели после нашего рождения.

Убийство щенка — деяние противоестественное: волк предпочтет скорее отгрызть себе лапы, чем тронуть детеныша. Мою мать могли бы простить, когда она — обычная волчица, которой не положено давать потомство, — все же принесла щенков. Но она еще нарушила закон Широкой Долины, охраняющий чистоту нашей крови, а это было много хуже. Рууко всего лишь выполнял свой долг.

Он недавно наделил Риссу целым выводком детенышей: продолжать род позволено только вожаку, прочие волки могут спариваться не иначе как с его разрешения, поскольку лишних щенков в скудные годы трудно прокормить. В Широкой Долине, вмещавшей четыре волчьих стаи и несколько людских племен, в то время царил вражда, добычи становилось все меньше. Волки, как правило, обходили наши владения стороной, зато люди то и дело норовили оттеснить нас с привычных мест охоты. Год моего рождения был не самым изобильным для стаи Быстрой Реки. Мать, видимо, до конца надеялась, что Рууко не почует в щенках кровь чужака и не станет нас убивать.

Двумя днями раньше, на рассвете, мы с братом попробовали вскарабкаться по мягкому прохладному склону, ведущему из полутемной норы в тот незнакомый мир, звуки которого отражались эхом от стен нашего жилища. Голоса взрослых волков, неведомые запахи — все казалось заманчивым, и мы норовили пробраться к выходу всякий раз, как улучали время между едой и сном.

— Погодите, — остановила нас мать, преграждая дорогу. — Сначала я вам кое-что скажу.

— Мы только взглянем, что там снаружи. — Хотя Триелл старался говорить вкрадчиво, глаза его озорно блеснули. Мы двинулись было дальше, но мать огромной лапой прижала нас к полу.

— Щенков перед вступлением в стаю подвергают проверке. Кто не выдержит, того не оставляют в живых. Поэтому слушайте. — Ее голос, обычно мягкий и успокаивающий, теперь звучал озабоченно. — При встрече с вожаками, Рууко и Риссой, вы должны показать им, что сильны и здоровы, что вы достойны стать членами стаи Быстрой Реки. И отнеситесь к ним с почетом и уважением.

Окинув нас тревожным взглядом, мать убрала лапу и наклонилась вылизать моих сестер, тоже потянувшихся к выходу. Мы с Триеллом вернулись в угол теплой норы и принялись мечтать о подвигах, которыми мы завоюем место в стае. То, что мы можем не преуспеть, даже не приходило нам в голову.

Через пару дней, наконец выбравшись из норы, мы увидели пятерых щенков Риссы, неуверенно толпящихся на прогалине между деревьями. Двумя неделями старше нас, они уже были готовы предстать перед стаей и получить имена. Рисса стояла чуть поодаль, наблюдая, как Рууко осматривает детенышей. Нас, еще нетвердо держащихся на лапах, мать подтолкнула ближе к нему и оглядела тесную поляну.

— Рууко выбирает, кого принять в стаю. — Ее морда от волнения напряглась, голос сделался хриплым. — Поклонитесь, выкажите почтение, расположите его к себе. Он оставит тех, кто ему понравится. Слышите? Угодить ему — значит выжить!

Мир за пределами логова наполнился незнакомыми запахами. Мощный и дразнящий запах стаи — по меньшей мере шестерых волков, собравшихся поглядеть на обряд принятия детенышей, — смешивался с ароматом листьев, травы и земли, от него хотелось чихать. Чистый, нагретый солнцем воздух манил прочь от норы и привычного материнского тепла. Мать следовала за нами, едва слышно поскуливая.

Рууко окинул ее взглядом и отвернулся. Его собственные волчата, крупнее и упитаннее нас, тявкали и жались к отцу, то и дело норовялизнуть опущенную к ним морду или упасть на спину, открыв мягкий живот. Он обнюхал их одного за другим, поворачивая с боку на бок, чтоб не пропустить знака слабости или болезни. Те, чьей мордочки в итоге Рууко касался еще раз,

осторожно беря ее зубами, считались принятыми в стаю — такими оказались все, кроме одного.

— Теперь вы часть стаи, — сказал им Рууко, — и любой из наших волков обязан вас кормить и защищать. Приветствуем тебя, Борлла. И тебя, Уннан. Добро пожаловать, Реел и Марра. Теперь вы — волки Быстрой Реки, наше будущее.

Мелкого взъерошенного волчонка Рууко оставил безымянным: нареченный щенок пользуется покровительством стаи, и потому вожак не дает имени тем детенышам, которые слишком слабы, чтобы выжить. Один волчонок даже не дожил до испитания: Рисса, метнувшись в нору, вытащила оттуда мягкий комок и зарыла его на краю прогалины.

Стая уже разразилась приветственным воем в честь детенышей; волки, радостно помахивая хвостом и топорща уши, подбегали к щенкам поздравить их со вступлением в стаю. Приветствия перешли в игру, и взрослые волки гоняли наперегонки и валялись по устланной листьями земле, твякая от удовольствия при виде новых щенков — таких же, как мы. Я ткнулась носом в щеку Триелла.

— Бояться нечего: надо просто показать, что мы сильные и почтительно относимся к взрослым.

Триелл чуть помахивал хвостом, наблюдая за играми. Живые глаза, короткая сильная шея — он ничем не уступает щенкам Рууко и Риссы. Мать боялась напрасно: мы тоже крепки и здоровы, Рууко не замедлит дать нам имена и объявить нас членами стаи Быстрой Реки.

Рууко, оставив своих волчат, подошел ближе и теперь сверху вниз глядел на нас. Он был самым крупным волком в стае — на целое ухо выше остальных, с широкой грудной клеткой и внушительными мускулами под серой меховой шкурой. Помедлив мгновение, Рууко наклонился и раскрыл над нами огромную пасть. Мать, шагнув вперед, заступила ему дорогу.

— Брат, — попросила она (мать с Риссой родились в одном помете и вступили в стаю Быстрой Реки одновременно), — оставь их жить.

— В них кровь чужаков, Нееса, они будут отбирать мясо у законных детенышей. Лишних щенков стая не вместит.

От злобного голоса меня бросило в дрожь, Триелл начал поскуливать.

— Ты лжешь. — Мать бесстрашно глядела на Рууко снизу вверх, не отводя янтарных глаз. — И прежде бывали тяжкие времена, но стая выживала. Ты просто боишься всего непривыч-

ного, для вожака Быстрой Реки ты слишком пуглив. Лишь трус решится убивать щенков.

Рууко зарычал и с размаху обрушился на нее всем телом, прижав мать к земле.

— Думаешь, мне нравится убивать детенышей? — прококал он. — Когда мои стоят здесь же? Твои щенки — не просто непривычные, я чую в них кровь чужаков! Не мной они рождены, Нееса, не я нарушил заповедь. Отвечать за все — тебе! — Он вонзил зубы в ее шею и сжимал челюсти до тех пор, пока мать не заскулила. Лишь тогда он ее отпустил.

Мать с трудом встала на ноги и отшатнулась, теперь страшная пасть Рууко нависала прямо над нами. Мы в ужасе отбежали, сгрудившись вокруг матери.

— У них есть имена! — попробовала она вступить еще раз.

Да, в обход обычая мать нарекла нас при рождении. «Получая имя, вы станетесь частью стаи, — сказала она тогда. — И Рууко вас уже не убьет». Моих сестер она назвала в честь цветов и трав, растущих вокруг норы, Триелла — черного волчонка со сверкающими, как звезды, глазами — в честь безлунного ночного неба. Из-за белого полумесяца, четко прорисованного посреди серой шерсти у меня на груди, я получила имя Каала — Дочь Луны.

Мы с Триеллом и сестрами, трепеща, льнули к матери. Прежде я смеялась над ее опасениями и считала, будто в стаю принимают всех, кто умеет себя вести как настоящий волк. Однако теперь стало ясно, что не только место в стае, но и сама жизнь оказывается под угрозой.

— У моих детей есть имена, брат, — повторила мать.

— Не я их нарекал. Твои щенки рождены вне закона, они не принадлежат стае. Прочь с дороги!

— Я не уйду!

Огромная, почти в рост Рууко волчица, морду которой густо покрывали шрамы, прыгнула на мать вслед за вожаком; вдвоем им удалось оттеснить ее в сторону.

— Убийца щенков! Ты мне не брат! — огрызалась мать. — Ты недостойн зваться волком!

Даже я понимала, что такие слова только озлобят Рууко. Рыча, он отогнал мать к самой норе, под присмотр волчицы со шрамами, и вернулся к нам. Рисса, оставив скулящих и жмущихся к ней щенков, вышла вперед и встала рядом с Рууко.

— Спутник, — произнесла она низким звучным голосом, — моя ответственность не меньше твоей, ведь это я не уследила за сестрой. Я сделаю что положено.

От нее пахло силой и уверенностью, белая шерсть блестела под лучами раннего солнца. Рууко лизнул волчицу в морду, на мгновение ткнулся носом в белоснежную шею, словно набираясь решимости, а затем мягким движением оттеснил Риссу назад. Остальные волки стояли по краям прогалины — одни поскуливали, другие смотрели молча; никто не пытался подойти, над нами возвышался один Рууко. Даже сейчас, много времени спустя, при взгляде на него я порой вспоминаю тот миг, когда вожак навис надо мной, готовый вцепиться зубами в глотку и вытрясти из меня дух. В живых оставалась лишь я: мои сестры и любимый брат уже лежали бездыханными.

Аззуен говорит, что я не могу помнить случившегося, ведь мне было всего четыре недели от роду. Однако я ничего не забыла. Сначала погибли сестры, затем вожак добрался до Триелла: еще мгновение назад тот лежал, прижавшись ко мне теплым боком, — и вдруг его тело взмыло вверх, поднятое с земли мощной хваткой Рууко. Триелл взвизгнул, я поймала его взгляд и, забыв о страхе, подскочила на задних лапах, чтобы удержать его, но тут же вновь свалилась на землю — неокрепшие пока лапы держали меня плохо. Острые зубы Рууко грозно сомкнулись, тело Триелла обмякло и замерло. Неужели он мертв? Неужели не поднимет голову, не взглянет на меня лучистыми глазами?..

Рууко, бросив Триелла рядом с сестрами, повернулся ко мне.

Мать потихоньку отползла от норы и теперь подобралась ближе, стелась брюхом по земле. Опустив уши и поджав хвост, она умоляла Рууко остановиться. Он на нее даже не взглянул.

— Вожак вершит что положено, Нееса, — спокойно произнес старый волк. — В щенках течет кровь чужака, Рууко лишь ограждает стаю от опасности. Не осложняй ему выбор.

Я глядела на Рууко, не опуская головы. Ни унижение, ни мольбы не спасли моих сестер и брата. Когда тело Триелла ударилось о землю рядом со мной, вместо трепета меня обуяла ярость: мы с Триеллом спали и ели вдвоем, и вдвоем мечтали, как завоюем место в стае! А теперь он погиб! Оскалившись, я зарычала на тех же нотах, что и Рууко, и тот от неожиданности отступил. От гнева куда-то делся страх — я прыгнула, норовя вцепиться в волчье горло, но достала лишь до груди: высоко прыгать я еще не умела. Рууко легко отбросил меня в сторону и на мгновение замер, не отводя взгляда, словно вместо меня увидел самого Волка Смерти.

— Жаль, кроха, — тихо проговорил он. — Я обязан думать о благе стаи. У меня нет выбора.